

374.6(47)
X 94

"Русская Школа"
Львов, 1901

319

НДІГ
ПЕРЕВІРЕНО
1962 р.

№ 2564
Салтыкова М.

ЕДИНИЙ
ПРИМІТІВНИК

НДІГ
Перевірено

Хроника воскресных школ *

(Под ред. Х. Д. Алчевской).

Из записок заведующей воскресной школой.

Я не могу не рассказать об одном ученике, которым школа по справедливости может гордиться. Он поступил к нам лет 23-х. Учился он до воскресной школы, по выражению, принятому у наших саможников, «самоуком»; читал не особенно бойко, но со смыслом и прекрасно передавал прочитанное, писал плохо, и с грехом пополам умел складывать и вычитать многозначные числа. По ошибке экзаменовавшего, он попал по арифметике в высшую, в то время группу, где проходили двенадцать. Мы и не заметили своей ошибки, как вдруг один раз он обратился к нам с просьбой перевести его в низшую группу. — «Зачем?» спросили мы. — «Не могу больше, — отвечал он, — мне каждый день заниматься некогда, так мне с женой приходится с субботы на воскресенье каждую ночь сидеть часов до 3-х, — очень уж тяжело! Ведь я и сложения толком-то не знал, как поступал в школу, а теперь много-ли времени прошло, а у нас уж трудные задачи на все четыре действия деляют, — так я и не успеваю». Оказалось, что жена его знала немного арифметику, так как кончила курс в приходском училище, и с удовольствием занималась с своим мужем, которому не хотелось отставать от товарищей. Благодаря ее стараниям и его способностям, ему удалось догнать группу, для которой была нужна подготовка значительно больше той, с какой он поступал в школу, но долго оставаться в этой группе он все-таки не мог. Мы тогда же обратили внимание на этого способного ученика и заинтересовались его женой. Прошло зимы 2—3. Он все время учился у нас и был одним из аккуратнейших учеников; учителя знали и любили его. «С каким удовольствием вспоминаю я об этом времени! — говорил он мне впоследствии. — Хорошо тогда было: как много я тогда читал, и как тогда много и хорошо думалось!..» Он стал заходить иногда к нам на дом и познакомил с нами своего старшего брата, который тоже поступил в воскресную школу. Брат этот в то время был развитее его и с большими знаниями (т.-е. и читал, и писал, и считал значительно лучше его). Один раз, в минуту откровенности, старший брат сказал мне о младшем, когда я того хвалила (в

* Все материалы и статьи по делу воскресных школ редакция покорнейше просит посылать в Харьков на имя Христины Даниловны Алчевской или Марии Николаевны Салтыковой.

ПЕРЕВІРЕНО
1971

10-11
1927
1927

420

его отсутствіи): «Мы сами не можемъ на него наравоваться и надивиться: вѣдь раньше онъ совсѣмъ не такимъ былъ; мы думали, что изъ него прока никакого не будетъ. Онъ не хорошо себя велъ: кутилъ!» Измѣнился онъ со времени женитьбы. Жена у него—одна изъ лучшихъ мастерицъ-заготовщицъ, работающая, умная и хорошая женщина, и женились они по любви. «А теперь вотъ онъ все лучше и лучше становится, все впередъ идетъ и во всемъ: вѣдь онъ и по мастерству своему теперь далеко ушелъ. Хозяйева ужъ замѣтили его и предлагаютъ ему мѣсто съ порядочнымъ жалованьемъ; скоро, пожалуй, только немного меньше меня будетъ получать, а вѣдь онъ гораздо моложе меня!»

Теперь Бѣловъ (фамилія этого ученика)—уважаемый человѣкъ, имѣющій большое вліяніе на людей своего круга, несмотря на свою молодость. Онъ очень способенъ и воспримчивъ, и пошелъ впередъ гораздо быстрее, чѣмъ это предполагалъ его братъ. Его знаютъ не только ремесленники, но и хозяева, изъ которыхъ каждый съ удовольствіемъ взялъ-бы его, такъ какъ онъ честнѣйшій человѣкъ и одинъ изъ лучшихъ мастеровъ въ городѣ. Жалованья онъ теперь получаетъ больше своего старшаго брата и лучше его знаетъ дѣло. Давно также перебралъ онъ жену свою и въ ариметикѣ, и умѣнья читать и писать. Теперь ужъ не брать и не жена имѣютъ на него вліяніе, а онъ на нихъ. Если-бы это было все, что можно о немъ сказать, то, вѣроятно, я не написала-бы вамъ о немъ; но Бѣловъ имѣетъ большое значеніе, какъ *общественный дѣятель*,—въ своей средѣ, разумѣется.

Въ ту зиму, когда онъ получилъ мѣсто, о которомъ мнѣ говорилъ его братъ, я замѣтила перемену въ настроеніи его духа: онъ сталъ какой-то грустный и безноконный.—«Что съ вами такое дѣлается?» спросила я его разъ.—«Тяжело, В. К. I—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Вѣдь вы знаете, я вынужденъ ужъ не дома работаю, а заведу мастерской и цѣлый день не выхожу оттуда. Давно ужъ я не бывалъ въ мастерскихъ и отвыкъ отъ нихъ *). Какой тамъ народъ несчастный! Оборванные, грязные, пьяные, полуголодные... Ничего они не понимаютъ, ни о чемъ не думаютъ... А ихъ семьи! Горькую нужду терпеть всегда семьи пьяницы! Вѣдь зналъ я это и раньше, но теперь на меня все такъ дѣйствуетъ, точно я въ первый разъ вижу. Тяжело! И вѣдь нельзя сказать, чтобы они были дурные люди: какъ начнешь говорить съ ними про ихъ жизнь, такъ вѣдь они слушаютъ, понимаютъ, соглашаются. Жалкіе они, несчастные...» Бѣловъ не только говорилъ съ ними, но и читалъ имъ вслухъ, разумѣется, съ нужными разъясненіями и добавленіями. Такъ, съ величайшимъ интересомъ была прослушана въ мастерской книжечка Цюке «Дѣлатели золота».

Результатомъ этихъ бесѣдъ и чтеній было то, что въ одинъ прекрасный день Бѣловъ явился къ намъ сіюющій и счастливый.—«Мы хотимъ открывать Общество трезвости»,—заявилъ онъ и рассказалъ слѣдующее. Въ его мастерской многіе уже совсѣмъ бросили пить, другіе хотя и пьютъ, но гораздо меньше; на-дняхъ они прочтати, что въ Казани есть Общество трезвости и по примѣру казанцевъ рѣшили открыть такое-же Общество у себя. «Есть уже человѣкъ 30, которые сейчасъ-же готовы вступить въ члены Общества трезвости,—прибавилъ онъ,—да только мы не знаемъ, какъ хлѠ-

*) Надо замѣтить, что въ мастерскихъ работаютъ худшіе рабочіе, большею частью пьяница, которымъ хозяева не могутъ довѣрить матеріаловъ для работы; ••такие-же, получивъ отъ хозяина матеріалъ, работаютъ дома.

потать объ этомъ».—У васъ въ это время сидѣли два-три нашихъ знакомыхъ, кажется, учителя воскресной школы, и мы общимъ совѣтомъ рѣшили направить Вѣлова и двухъ его товарищей къ одному изъ лицъ «съ положеніемъ», чтобы просить его принять участие въ этомъ дѣлѣ и выхлопотать у губернатора разрѣшеніе на открытіе Общества. Лицо это принялось за дѣло съ большой энергіей: выхлопотало утвержденіе устава и собрало пожертвовавшій деньгами и вещами на сумму около 400 рублей. Спаножики поставили непремѣннымъ условіемъ устройство чайной при Обществѣ трезвости, гдѣ они могли-бы собираться попить чайку, почитать газеты, и фактическое существованіе Общества началось съ открытія чайной, въ февралѣ 1894 года. По первоначальному просѣку это должно было быть Обществомъ по преимуществу ремесленниковъ. Прошеніе губернатору было подано за подписью, кромѣ вышеупомянутаго лица, 30-ти спаножинокъ; по губернаторъ вернулъ его обратно, съ вопросомъ на поляхъ: неужели одни спаножики учреждаютъ Общество трезвости? Тогда въ учрежденіи записалось и нѣсколько чиновниковъ; въ настоящее-же время въ Обществѣ очень много членовъ по ремесленниковъ.

Пока прошеніе ходило два раза къ губернатору, пока шли хлопоты по присѣканію и устройству квартиры, прошло больше года, и много грубыхъ насмѣшекъ и даже издѣвательствъ пришлось вынести Вѣлову за это время не только отъ спаножинокъ, которые не вѣрили въ это дѣло, но и отъ ихъ хозяевъ-торговцевъ. Зато онъ вполнѣ торжествовалъ, когда открылась наконецъ чайная Общества трезвости. Самъ архіерей служилъ молебенъ; нѣсколько почетныхъ лицъ присутствовало на открытіи; было много «чистой» публики, а за ней стояла толпа простого люда, котораго все поражаело и которому все нравилось въ этомъ обширномъ, свѣтломъ помѣщеніи, устроенномъ специально для него! До 11-ти часовъ вечера двери чайной были гостепріимно открыты для всѣхъ желающихъ; въ этотъ день всѣ были гостями, которыхъ безплатно угощали чаемъ; много народа перебивало тамъ, и вѣсть о новооткрытомъ Обществѣ быстро разнеслась по городу. Въ ближайшее-же воскресенье вечеромъ было такъ много посѣтителей, что почти негдѣ было вернуться. Всѣ свѣшили записаться въ члены Общества (въ первые-же два мѣсяца число членовъ дошло до 300); и тѣ-же самыя лица, которыя раньше насмѣхались надъ Вѣловымъ, просили теперь его рекомендаціи, какъ члена комитета; въ числѣ ихъ были, кажется, сами хозяева Вѣлова. Вѣловъ ходилъ, какъ въ чаду, счастливый, что сбылась наконецъ его мечта, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ это ему и во снѣ не спилось!.. Жизнь кочемъ закинула въ Обществѣ. Устраивались любительскіе спектакли, участниками которыхъ были сами-же ремесленники; была образованъ небольшой оркестръ; разъ или два въ недѣлю давались уроки желающимъ обучаться хорошему пѣнію, а жены и дочери членовъ Общества могли учиться кройкѣ и шитью. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была открыта и читальня съ довольно хорошими подборомъ книгъ.

Не удивляйтесь, что я такъ много пишу объ Обществѣ трезвости: во-первыхъ, это крупное для нашего уѣзднаго городка учрежденіе возникло по почину нашего ученика, а во-вторыхъ, между нимъ и школой есть связь, которая была особенно замѣтна въ первое время его существованія (теперь эта связь ослабѣла вслѣдствіе большого наплыва въ члены Общества интеллигентныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ школѣ). Тѣ-же лица, которыя въ воскресенье утромъ давали урокъ въ воскресной школѣ, являлись почти

постоянными посѣтителями Общества трезвости въ воскресенье вечеромъ. и случилось слышать, какъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ небольшая группа саножниковъ въ 4—5 человекъ ведетъ разговоръ съ учителемъ или учительницей по поводу утренняго урока.

Общество трезвости преслѣдуетъ почти тѣ-же цѣли, что и воскресная школа, но только достигаетъ ихъ иными путями. Въ прошлую зиму были устроены народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ; были и литературныя чтенія безъ фонаря.

На лѣто Общество открываетъ отдѣленіе въ крошечномъ (къ сожалѣнію), но довольно уютномъ садѣ, гдѣ есть два домика: въ одномъ помѣщается буфетъ чайной, а въ другомъ—читальная комната, но только съ одними газетами. Посѣтители пьютъ чай на свѣжемъ воздухѣ, на столикахъ въ саду, подъ тѣнью деревьевъ. Есть въ садикѣ еще такъ-называемая «дѣтская площадка», гдѣ на очень маленькомъ пространствѣ устроены и качели, и деревянная горка для бѣганья, и шесть для лазанья, и гигантскіе шари, и даже карусели. Иногда эта площадка бываетъ почти сплошь покрыта дѣтьми и кишитъ какъ муравейникъ; веселый шумъ стоитъ тамъ и порой раздаются звонкій смѣхъ, это веселятся дѣти нашихъ саножниковъ, не имѣвшія ничего подобнаго до открытія Общества трезвости. Но не одни саножники ходятъ туда. Въ хорошую погоду въ садикѣ съ утра бываетъ разный народъ. То идетъ какая-то небогатая семья съ матерью или старшей сестрой во главѣ съ нѣсколькими ребятишками разныхъ возрастовъ около нихъ; несмотря на то, что порціи чаю стоятъ 3 коп., они все-таки несутъ съ собой чай и сахаръ, а калачъ и колбасу покупаютъ у насъ, потому что мы продаемъ это по базарной цѣнѣ; они проводятъ въ садикѣ цѣлое утро: старшіе вяжутъ или вышиваютъ, младшіе играютъ на площадкѣ; то идутъ сюда дѣти изъ пріюта, у которыхъ нѣтъ своего сада; а ночь и дѣвчонки учительницы сидятъ у одного изъ столиковъ и читаютъ вслухъ какую-то книгу: въ комнатахъ—жарко, въ лѣсъ идти—далеко, онѣ и пришли сюда. И наши дѣти идутъ сюда съ удовольствіемъ, бѣгаютъ и играютъ тутъ вмѣстѣ съ другими. Каждое утро кто-нибудь да бываетъ въ садикѣ, а по вечерамъ, въ особенности въ праздникъ, онъ бываетъ иногда переполненъ народомъ. Жаль только, что у насъ нѣтъ никакой музыки!.. Наше Общество трезвости служить почвою, на которой сходятся люди разныхъ сословій и классовъ общества, богатые и бѣдные, разнаго развитія, разныхъ взглядовъ и убѣжденій, сходятся—и вліяютъ другъ на друга; не одни изъ нихъ вліяютъ на другихъ, а именно *другъ на друга*, потому что и тому, кто считаетъ себя «на горѣ стоящимъ», есть чему поучиться у его «младшаго брата».

Въ комитетѣ Общества до сихъ поръ засѣдаютъ наравнѣ съ другими членами два или три саножника (выборы производятся, какъ и вездѣ, общимъ собраніемъ членовъ), и они далеко не бесполезны: они служатъ связующимъ звеномъ между образованными лицами, стоящими во главѣ дѣла, и ремесленниками; благодаря имъ, ремесленники имѣютъ возможность знать всегда о дѣлахъ Общества все, что имъ интересно, во всѣхъ подробностяхъ, и потому относятся къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ комитета съ полнымъ довѣріемъ, а главное—считаютъ это Общество *своимъ* и любятъ его. Кромѣ того, эти члены комитета несутъ разныя обязанности по хозяйственной части. Дай Богъ, чтобы обычай выбирать въ члены комитета представителей отъ ремесленниковъ навсегда удержался въ Обществѣ трезвости!

Однако возвращаюсь къ Бѣлову. Какъ-же повліяли на него всё эти удачи въ личной его жизни и въ его общественной дѣятельности? Не измѣнился-ли онъ? не сталъ-ли самодовольнымъ, самопаздѣяннымъ? О, нѣтъ! Все такъ-же скромнѣнъ онъ, какъ и раньше, и такъ-же болѣетъ душой за несчастныхъ своей среды. Правда, временами онъ бываеъ счастливъ чуть не до слезъ, но зато иногда онъ чуть не плачетъ отъ сознанія собственнаго безспія и отъ боли разочарованія. Если вы хотите видѣть его счастливымъ, идите въ Общество трезвости, когда онъ чайничаетъ въ компаніи въ садикѣ, или, заложивъ руки въ карманы своей поддевки, съ наслажденіемъ расхаживаетъ по всёмъ комнатамъ зимняго помѣщенія. Подойдите тогда къ нему и заговорите объ Обществѣ трезвости. Лицо его освѣтится счастливой улыбкой и онъ съ умиленіемъ начнетъ рассказывать вамъ о томъ, какъ много народа было наканунѣ въ садикѣ, или о томъ, что сегодня съ нимъ говорилъ тотъ-то и тотъ-то и просилъ записать его въ члены Общества трезвости и что такой-то вотъ ужъ столько времени безукоризненно себѣ ведетъ. «Страсть, какъ я доволенъ нашимъ Обществомъ, — скажетъ онъ вамъ своимъ пѣвучимъ голосомъ, — такъ люблю я его, что и сказать вамъ не могу. — съ каждымъ днемъ все больше и больше!» Вы напомнимте ему о нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ, о тѣхъ минутахъ, напр., которыя онъ переживалъ на послѣднемъ бурномъ общемъ собраніи, о разныхъ неприятностяхъ, но онъ только рукой отмахнется отъ всёхъ этихъ мелочей, такихъ ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ большимъ добрымъ дѣломъ, которое дѣлаетъ, по его мнѣнію, Общество трезвости, и вся фигура его дышитъ такою любовью, такою преданностью дѣлу!..

Есть у Бѣлова еще одно дѣло, которому онъ преданъ не меньше, чѣмъ Обществу трезвости, и которому онъ отдаеъ даже гораздо больше силъ. Дѣло это — *артель сапожниковъ*; съ ней онъ бьется вотъ уже четвертый годъ. Мысль эта, правда, не принадлежитъ ему: она возникла среди сапожниковъ гораздо раньше, чѣмъ Бѣловъ развился до ея пониманія; но давно уже отстали отъ этого дѣла его вчинатели, — послѣ первыхъ-же неудачныхъ попытокъ, — и на смѣну имъ пришелъ Бѣловъ. Исторія артели мнѣ кажется тоже очень интересной; но дѣло это гораздо труднѣе, нежели учрежденіе Общества трезвости и вообще какого-бы то ни было другого общества, въ особенности при тѣхъ условіяхъ въ какихъ находится наши артельники, т. е. безъ денегъ. Дѣло это слишкомъ задѣваетъ за живое каждого участника, потому что касается его кармана или, вѣрнѣе, — куска хлѣба, который оно ему даетъ. Нужно имѣть довольно высокое нравственное и умственное развитіе, чтобы считать интересы дѣла, въ которомъ участвуешь, выше собственныхъ интересовъ и умѣть приносить временно послѣдніе въ жертву первымъ. Сапожники наши не доросли еще до такого пониманія, а тѣ немногіе изъ нихъ, которые могли-бы участвовать въ артели, не хотѣтъ, такъ какъ въ матеріальномъ отношеніи обставлены хорошо, и артель не можетъ дать имъ даже половины того, что они получаютъ. Одинъ Бѣловъ — человекъ *идеи*: онъ работаетъ для ея осуществленія, не смотря ни на какія неудачи, хотя и съ перерывами, потому что каждая такая неудача спльно дѣйствуетъ на него, и нужно извѣстное время, чтобы онъ могъ отъ нея оправиться.

— Скверно мнѣ нынче жить, — говорилъ онъ при послѣднемъ нашемъ разговорѣ, — вѣдь я теперь понимаю немножко жизнь, задумываюсь надъ тѣмъ, на что раньше в вниманія не обращалъ. Жалованье я получаю большое,

а на душѣ скверно! Положеніе-то мое такое, что иной разъ волеѣ-неволеѣ противъ своего-же брата идти приходится: и интересы хозяйскіе да и совѣсти приказываютъ сдѣлать человѣку замѣчаніе, а сдѣлаешь, такъ этимъ разогорчишь, что смертельнаго врага навѣрши! А вѣдь и человѣкъ-то этотъ несчастный, не хотѣлъ я его обидѣть.. Также и съ хозяевами: видишь, что не ладно они поступаютъ, — скажешь, а они никакихъ твоихъ словъ принимать не хотятъ, «молчать!» крикнутъ, да и все тутъ! Неужели-же нельзя какъ-нибудь мирно, по совѣсти жить?.. Думалъ я было, что это въ артели возможно: чего ужъ лучше, сами и работники, сами и хозяева, — такъ нѣтъ, не выходитъ!..» Голосъ Бѣлова дрожить и обрывается; на его кроткую и мягкую натуру все это дѣйствуетъ болѣзненно...

— Теперь я объ одномъ мечтаю, — продолжаетъ онъ немного погодя, — сконлю денегъ, чтобы выкупить мой домишко, потомъ продамъ его и съ этими деньгами уѣду въ деревню и поселюсь тамъ. Мастерство свое не брошу, буду имъ тамъ заниматься. Жить можно будетъ потихоньку, а мнѣ многого и не надо, лишь-бы душой спокойнымъ быть. Я ужъ довольно давно это задумалъ, да все не рѣшался съ женой поговорить, а теперь вотъ на-дняхъ говорилъ, и такъ она меня обрадовала: поняла, все какъ есть повеяла и согласна уѣхать! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я это сдѣлаю. Говорить-ли я даже ужъ высчиталъ, сколько часовъ мнѣ здѣсь остается жить...

Но я сомниваюсь, чтобы Бѣловъ уѣхалъ, и думаю, что ему нужно отдохнуть, а тамъ онъ опять примется за артель. Когда-нибудь попытки его и увѣнчаются успѣхомъ, потому что и школа, и Общество трезвости, да и самъ Бѣловъ наконецъ воспитываютъ-же людей!

— Откуда въ васъ эти мысли и чувства? — спросила я разъ Бѣлова, когда мы съ нимъ какъ-то особенно душевно разговорились; это было, кажется, въ то время, когда онъ хлопоталъ объ устройствѣ Общества трезвости.

— А школа-то! — отвѣчалъ онъ мнѣ. — Знаете, какъ я поступилъ въ школу, такъ очень много измѣнился. Я всемъ обязанъ школѣ, — категорически заявилъ онъ. — Помните, — продолжалъ онъ, — М. Ф. читалъ намъ біографію Франклина *)? Такъ вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ я и сталъ думать: какъ мы живемъ, мы-то? Не то мы люди, не то просто животныя! И съ тѣхъ поръ я рѣшилъ, что нужно каждому такъ жить, чтобы сдѣлать что-нибудь порядочное. Какъ разъ въ это самое время я и поступилъ въ мастерскую.

Я помню слова его брата, который говорилъ мнѣ, что Бѣловъ измѣнился со времени женитьбы. Слова самого Бѣлова не противорѣчатъ этому. Женитьба ослепила его, сдѣлала трезвымъ, работающимъ человѣкомъ и хорошимъ семьяниномъ, а школа довершила остальное: она пробудила его мысль и дала сильный толчокъ его духовному развитію. Конечно, не будь извѣстныхъ качествъ въ натурѣ Бѣлова, школа ничего не сдѣлала-бы, но при наличности ихъ, она сослужила службу. Въ послѣднее время у него не хватаетъ времени, чтобы ходить въ школу, такъ какъ по воскресеньямъ онъ почти всегда бываетъ занятъ дѣлами Общества трезвости и артели; но онъ не перестаетъ горячо любить ее и хорошо сознаетъ ея значеніе для мѣстныхъ ремесленниковъ. Дома онъ продолжаетъ заниматься въ свободное время; читаетъ онъ довольно много, а писать и считать ему тоже часто приходится

*) Учитель особенно много останавливался на Франклинѣ, какъ на *общественномъ деятелѣ*.

по дѣламъ артели; такимъ образомъ онъ не перестаетъ замѣтно развиваться съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Бѣловъ—дѣятель въ городѣ, а есть у насъ еще одинъ ученикъ (средняго отдѣленія), который, подобно ему, стремится сдѣлать что-нибудь «хорошее» въ деревнѣ. Но его дѣятельность только еще начинается и много говорить о ней пока нечего. Онъ охотно бываетъ въ деревнѣ, гдѣ у него есть родственныя связи по женѣ, и приходитъ въ ужасъ отъ темноты и невѣжества, которыя царятъ тамъ. Отправляется онъ туда всегда съ какой-нибудь книжечкой (напр., въ послѣдній разъ онъ бралъ «О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы» Рубакина), читаетъ, вслухъ въ какойнибудь избѣ и толкуетъ о прочитанномъ. Ему страстно хочется приохотить мужиковъ къ чтенію, но пока онъ мало успѣваетъ въ этомъ. Есть, однако, уже два парня, которые и сами охотно читаютъ, и собираютъ иногда у себя слушателей. Не смотря на свои скудные средства, онъ выписываетъ газету «Сибѣтъ», главнымъ образомъ для деревни. Въ послѣднее время онъ мечтаетъ объ устройствѣ въ деревнѣ маленькой библіотеки и хочетъ собирать книжки для этой цѣли.

Мы никогда не задаемъ ученикамъ никакихъ работъ на-домъ, потому что у нихъ очень мало свободнаго времени; всѣ свои письменныя работы ученики пишутъ по собственному побужденію и подаютъ ихъ намъ совершенно неожиданно для насъ. Такъ, напр., есть у меня одно любимѣйшее и, къ сожалѣнію (такъ какъ это очень затрудняетъ его пониманіе), совершенно безграмотное разсужденіе ученика средняго отдѣленія—о школьномъ ученіи и о вредѣ изученія ариметики. Ученикъ этотъ самоучка, уже пожилой человѣкъ, лѣтъ около сорока, очень самолюбивый и горячій. Ариметика давалась ему у насъ туго, и, разсердившись на это, онъ захотѣлъ доказать мнѣ, что и не лужно совсѣмъ учиться ей. Впрочемъ, онъ не отступивалъ своего мнѣнія, когда, прочитавъ его разсужденіе, я прямо сказала ему, что онъ написалъ объ ариметикѣ вздоръ (мы съ нимъ были въ то время большими пріятелями, и разговоръ происходилъ у меня на-дому) и указала на тѣ побужденія, которыя заставили его подать мнѣ эту «докладную записку». Онъ сильно покраснѣлъ и на этотъ разъ сейчасъ-же согласился со мной, хотя обыкновенно не легко сдается. Не смотря на безграмотность и какъ-бы безсвязность изложенія, въ этой его работѣ есть очень серьезныя мысли (исключая, конечно, соображеній о вредѣ ариметики), представляющія въ нѣкоторомъ отношеніи критику современнаго строя общества, включая сюда и школу, и заслуживающія того, чтобы о нихъ серьезно поговорить. Кажется мнѣ также, что это разсужденіе отвѣчаетъ косвеннымъ образомъ и на вопросъ о сближеніи учащихся съ преподающими: не будь я «повѣреннымъ лицомъ думъ» его, ученикъ этотъ, конечно, никогда не высказалъ-бы мнѣ своихъ мыслей и я не имѣла-бы возможности разуверить его, что «всѣ плутни происходятъ отъ ученія въ классическихкихъ школахъ», и обратить его вниманіе на то, что далеко не всѣ образованные люди являются той «опустошительной саранчѣй», надъ которой онъ такъ зло смѣется, и что дай Богъ ихъ побольше. Я далека отъ мысли, чтобы одинъ такой разговоръ могъ сразу измѣнить его убѣжденія; но тѣмъ больше будетъ подобнаго рода разговоровъ, тѣмъ сильнѣе станетъ и вліяніе преподающихъ на учениковъ и тѣмъ больше возможности мы будемъ имѣть разрушать ихъ заблужденія, часто весьма грубыя. Всѣ эти люди,—даже тѣ изъ нихъ, кто озлобленъ, и каковыя принадлежатъ и этотъ ученикъ,—въ высшей степени доверчивы и простодушны; замѣтивъ искорку смятатіи къ нимъ, они платятъ горячимъ

чувством и раскрываютъ безъ утайки всю свою душу; вліять на нихъ не трудно. Или, быть можетъ, ата-то именно возможность вліять («оказывать нравственное давленіе») на учащихся и признается нѣкоторыми нежелательною?..

Насколько ученики мѣняются (или, вѣрнѣе, мѣняютъ свои взгляды) при сближеніи съ преподающими, можно судить на примѣрѣ этого-же ученика. Въ началѣ нашего знакомства съ нимъ, у него довольно рѣзко вырвалось признаніе, что онъ враждебно относится «ко всѣмъ, кто чисто (т.-е. хорошо) одѣтъ», а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему было уже стыдно вспоминать объ этомъ разговорѣ, и вотъ что писалъ онъ своей учительницѣ, очевидно, искренно полюбивъ эту «чисто одѣтую» особу: «Нѣсколько разъ уже вы замѣчали мнѣ, что я не умѣю писать вашего имени. Да я и не хочу писать его на бумагѣ: на бумагѣ оно можетъ стереться, а я записалъ его тамъ, гдѣ его никто не увидитъ, но ужъ я не сотретъ никто! Какъ снисходительны и добры вы къ намъ, точно мать или сестра родная! Чѣмъ заслужимъ мы вамъ это?» Онъ же говорилъ, что «ненавидитъ» Л. Н. Толстого, потому что тотъ «графъ и богатъ», а черезъ два года, когда онъ уже читалъ многое изъ его сочиненій, онъ посвятилъ ему слѣдующее свое стихотвореніе:

«Любовь мы шлемъ тебѣ, отецъ народа,
Защитникъ бѣдныхъ и сиротъ!
Ты презираешь вѣщніе законы,
Того, кто грабить и дереть.

Твоему имени доступно *)
Открыть глаза намъ, бѣднякамъ,
Насъ научить, отколъ несчастье
Въ пародѣ, ссоры и обманъ».

У меня есть начало повѣсти, написанное тѣмъ-же противникомъ изученія арифметики, но написана она такъ безграмотно, что, думаю, никто не будетъ ее въ состояніи разобрать. Ученикъ этотъ писалъ довольно много. Одно время онъ заносилъ въ тетрадь разныя мысли, которыя ему приходили въ голову. Мнѣ многое казалось тамъ интереснымъ. Писалъ онъ также и стихотворенія. Два-три изъ нихъ я приведу. Надо сказать, что онъ страстно любитъ природу и дѣйствительно поэтъ въ душѣ. Стихотворенія у него, конечно, часто бываютъ безъ размѣра и безъ рѣмы, но они рождаются у него сами собой, онъ не выдумываетъ ихъ, какъ это дѣлаютъ два другихъ нашихъ ученика, которыхъ не могу признать поэтами даже я, хотя они за это очень обижаются на меня и не хотятъ повѣрить справедливости моихъ словъ.

Разъ учительница задала этому ученику написать нѣсколько предложеній, въ которыхъ предметомъ рѣчи было-бы *солнце*, онъ тутъ-же написалъ ей половину слѣдующаго стихотворенія (другую половину онъ уже докончилъ дома, такъ какъ учительница указала ему ошибку, и онъ принялся составлять другія предложенія):

«Солнце свѣтитъ, солнце грѣетъ.
Солнце жизнь даетъ всему.
Весной теплою отъ солнца вѣетъ,
И сладко сердцу моему.

*) Онъ думалъ, что сочиненія Толстого только потому и дозволены цензурой, что онъ графъ.

Весною травка зеленѣть,
 Зеленый лѣсъ весной шумить,
 То здѣсь, то тамъ цвѣтокъ алѣть
 И звонко ручеекъ журчить»...

Стихотвореніе это, какъ и большинство его стихотвореній, осталось не-
 оконченнымъ.

А вотъ в другое:

ВЕСНА.

Мило, мило все въ природѣ,
 Все кругомъ меня живить,
 Солнце съ неба голубого
 Мило, весело глядитъ!
 Птички въ рощѣ запорхали,
 Рыба плещется въ рѣкѣ,
 Снѣгъ потаялъ межъ горами,
 Не видать его нигдѣ.
 Только жизнь у человѣка...
 Бѣдность... Въ хвляніи худой,
 Весь разбитъ опъ, уничтоженъ,
 Сидитъ съ поникшей головой.
 Впереди жена большая,
 Дѣти съ голоду ревуть.
 Затаилась мысль дурная,
 Слезы по щекамъ текутъ...

Бѣдность, которую ему приходится, конечно, очень часто видѣть кру-
 гомъ себя, производить на него удручающее впечатлѣніе. Самъ онъ поль-
 зуется сравнительно хорошимъ достаткомъ, но видъ чужой бѣдности, чу-
 жого горя сильно дѣйствуетъ на него. У него есть стихотвореніе, посвя-
 щенное *нищимъ*; оно было написано имъ, кажется, въ голодный 91-ый годъ,
 когда онъ особенно мучился ихъ видомъ:

Плачьте вы, плачьте!
 До-сыта ревите!
 Этимъ вы сыты,
 И прочь уходите.
 — «Очень васъ много
 Здоровыхъ шатается,—
 Совсѣмъ одолѣли!
 И гдѣ намъ набратъся?
 Ступайте! Оставьте!
 Богъ вамъ подастъ!
 Чего вы хотите
 И что вамъ до насъ?»

А нищая братія
 Гурьбою заходитъ,
 Свою заунывную
 Пѣсню заводитъ:
 — «Батюшка-матушка!
 Слѣпому, хрому,
 Безрукому, кривому,
 Калѣкъ, иному,
 Сироткѣ безродному,
 Мнѣ—вѣчно голодному»...

Приведу еще вѣчто въ родѣ его краткой автобіографіи или исповѣди,
 написанной въ стихахъ:

Я нарушалъ законъ, съ небесъ намъ данный,
 Пороки съ дѣтства изучалъ.
 Ходилъ въ отрепьяхъ, часто пьяный,
 И Бога истинна забылъ.
 Съ малыхъ лѣтъ я, чуть запомню,
 Какъ остался безъ отца.
 Ужъ какъ работалъ я,—не помню:
 Были малы мнѣ года.
     Я съ шести лѣтъ ужъ сѣлъ за дѣло,
     Работалъ шиломъ, ковырялъ.
     Не понималъ я, что чернѣ, что бѣло,
     Къ артельной *) жизни привыкалъ.
 Отъ дыму-ль горькаго лучины,
 Бывало, въ зимни вечера
 Ревешь, ревешь ты безъ причины,—
 Но прошли ужъ тѣ года!
     Потомъ я съ силами собрался;
     Или работалъ, или гулялъ;
     Былъ дуракомъ я всѣмъ извѣстнымъ
     И ни о чемъ не горевалъ.
 Бывало, цѣлы дни дѣвишься,
 Въ любимомъ кабакѣ сидишь,
 Или табакъ куришь въ beadѣльи,
 А то на лавкѣ крѣпко спишь.
     Прошло лѣтъ пять въ такомъ разгулѣ—
     И забриси молодца!
     Въ службу царскую угнали,
     Но ужъ больного и гаупца.
 Служилъ я меньше,
 Чѣмъ на койкѣ въ лазаретѣ я лежалъ,
 И ядѣсь-то на свободѣ
 О прошлой жизни размышлялъ...
     Лѣчили, мучили, учили
     Военной службѣ дурака,
     Да ничему не научили:
     Со службы прогнали меня!

Эти-же воспоминанія о молодости внушили ему стихотвореніе, которое такъ и называется:

«Споминаючи молодость».

Ахъ ты, молодость моя!
 Не красна ты, не цвѣтна.
 Не красна, не цвѣтна,
 Вся ренъемъ заросла,
 Вся ренъемъ заросла,
 Очень рано процвѣла.
     Ахъ ты, молодость моя.
     Злочѣсть-горе ты моя!
     Иасушила ты меня,
     На погибель привела,
     Когда вспомню про тебя.
     Сердце рвется у меня.
 Все чего-то я боюсь,
 Не вернется-ль что, страшусь.
 Ахъ, не быть-бы молодымъ
 Быть-бы старымъ да сѣдымъ!..

*) Жизнь «въ артели», т. е. въ мастерской; другими словами: дурная, разгульная жизнь.

Кружковое собраніе группъ, старшихъ по познаніямъ, 6-го ноября 1900 г.

Настоящій докладъ знакомитъ съ тѣмъ, каковъ составъ старшихъ группъ нашей школы, что составляетъ предметы занятій въ нихъ, насколько успѣшно идутъ занятія. Старшая группа взрослыхъ ученицъ, въ возрастѣ отъ 17 до 28 лѣтъ, состоитъ изъ 12-ти дѣвушекъ, изъ которыхъ 9 посѣщаютъ воскресную школу въ теченіе шести, семи и болѣе лѣтъ. Цѣль посѣщенія этими ученицами воскресной школы, повидимому, представляютъ запросы нѣсколько иного характера, нежели определенное желаніе научиться грамотѣ или подучить нѣкоторыя свѣдѣнія въ тѣхъ или иныхъ предметахъ. Зная ихъ трудовую жизнь (почти все живутъ собственнымъ трудомъ), глядя на нихъ, слушаая ихъ разговоры, намъ вспоминаются слова о томъ, что «не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ», что ни работа, ни окружающая среда не заглушаютъ въ насъ искры Божіей, не заглушаютъ духовной жажды, и съ этимъ вкладомъ человекѣ грустно жить въ одиночку, со своими единичными мыслями, личными дѣлами и чувствами, жить только своей вышней определенной жизнью. Эти мысли приходятъ мнѣ въ голову, когда я думаю, изъ-за чего ходятъ мои взрослые ученицы въ воскресную школу, которая, какъ онѣ, безъ сомнѣнія, давно убѣдились, не можетъ дать имъ ни вполнѣ правильного умѣнья писать, ни красиваго почерка, ни другихъ подобныхъ вышнихъ благъ образованія.

Предметы занятій въ этой группѣ слѣдующіе: 1-й часъ—литературныя бесѣды, ставящія цѣлью пересчитать съ ученицами, частью всемъ сообщая въ классѣ, частью на дому, лучшія изъ произведеній нашихъ писателей-художниковъ, остановить при этомъ ихъ вниманіе на явленіяхъ жизни, затронутыхъ выдающимися умами и изображенныхъ по всей яркости и безконечно прекрасной простотѣ, свойственной великимъ талантамъ. Предметомъ этихъ занятій въ нынѣшнемъ году были произведенія Тургенева, бесѣды о выведенныхъ имъ типахъ и общій очеркъ его писательской дѣятельности. Въ заключеніе ученицамъ предложена домашняя письменная работа на тему: Типы Тургенева и значеніе его произведеній. 2-й часъ занять арифметикой (проходить начало дробей). 3-й часъ—письмо, съ изученіемъ правилъ правописанія вообще и въ настоящій моментъ—правописанія нарѣчной. 4-й часъ одно воскресенье—бесѣды женщины-врача по гигиенѣ (последній урокъ—гигиена волосъ и зубовъ), другое воскресенье—бесѣды о подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

Въ другой группѣ взрослыхъ ученицъ (33 ученицы), кромѣ занятій по арифметикѣ, въ области которой проходятъ сложеніе и вычитаніе именованныхъ чиселъ, а также усвоили умѣнье считать на счетахъ, и урока письма, преслѣдующаго цѣли правописанія (въ настоящій моментъ правописаніе глаголовъ),—проходятъ еще краткій курсъ русской исторіи по «Книгѣ взрослыхъ» второй годъ, что составляетъ въ то-же время урокъ объяснительнаго чтенія. 4-й часъ занять одно воскресенье бесѣдами женщины-врача о подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, каковыя бесѣды, по отзывамъ учительницы, очень заинтересовали ученицъ; другое воскресенье идутъ бесѣды по географіи Россіи по программѣ «Книги взрослыхъ» второй годъ. Домашними письменными работами является пересказъ усвоеннаго на бесѣдахъ. Все ученицы умѣютъ излагать свои мысли, и болѣе всего письма—его безграмотность какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ.

Старшая по свѣдѣніямъ и развитію группа подростковъ, къ сожалѣнію, недостаточно ровна какъ по возрасту, такъ и по степени развитія; но раздѣлить группу оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ ученицы слишкомъ сжились другъ съ другомъ и совсѣмъ пріуныли при извѣстіи, что ихъ хотятъ разлучить. Занятія въ этой группѣ слѣдующія: арифметика (начало дробей), письмо (повтореніе правилъ этимологіи и синтаксиса), бесѣды о странахъ Дальняго Востока (Индія, Китай и Японія). Началомъ этихъ бесѣдъ въ данной группѣ, слушавшей въ прошломъ году бесѣды по всеобщей географіи, была бесѣда объ Англіи, являющаяся какъ-бы связующимъ звеномъ между курсомъ свѣдѣній о странахъ европейской культуры и цивилизаціи и курсомъ свѣдѣній о странахъ самобытной культуры, каковыми и являются страны далскаго Востока, на которыхъ въ настоящее время обращено вниманіе и печати, и общества, и самого народа, поставившаго изъ своей среды полки, отправленные въ Китай. На 4-мъ часѣ читаются біографіи великихъ людей изъ «Книги взрослыхъ» и на-ряду съ этимъ относящіяся къ нимъ статьи. Уроки эти слушаются съ живымъ интересомъ и служатъ также матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ работъ ученицъ.

Въ соседней группѣ, во время бесѣдъ въ описанной группѣ, идетъ всегда самостоятельная письменная работа; писали разсужденіе о пользѣ растений и нѣсколько переложеній. Работы отличаются хорошимъ изложеніемъ, но изобилуютъ грамматическими ошибками, хотя большинство ученицъ окончили курсъ въ нач. школѣ. По арифметикѣ проходятъ признаки дѣлимости. Ведутся бесѣды по физической географіи по конспекту, составленному проф. Красновымъ для вечерней школы для рабочихъ отдѣленія технического Общества, съ измѣненіями, вызываемыми составомъ нашей аудиторіи. 4 й часъ былъ также занятъ чтеніемъ біографій изъ «Книги взрослыхъ», теперь-же намѣчено чтеніе по русской исторіи.

Третья группа подростковъ (27 человекъ), составившаяся изъ трехъ прошлогоднихъ группъ, вследствие разницы въ подготовкѣ и способностяхъ ученицъ, не могла дальше оставаться въ такомъ составѣ и, сохранивъ своихъ коренныхъ ученицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя посѣщаютъ школу лѣтъ 6—7, а также тѣхъ, которыя подходятъ къ этому ядру группы, выдѣлила остальныхъ ученицъ въ особую группу. Кромѣ обычныхъ занятій арифметикой (проходить признаки дѣлимости) и уроковъ правописанія, въ означенной группѣ ведется часть чтенія по русской исторіи, сопровождаемаго бесѣдами о пройденномъ; чтеніе и бесѣды ведутся съ картой. 4-й часъ читали біографіи и относящіяся къ нимъ статьи (то и другое изъ «Книги взрослыхъ») или письменные излагали прочитанное въ предъидущее воскресенье. Писали самостоятельную работу «Мои занятія въ будни». Находя чтеніе только біографій нѣсколько одностороннимъ, между тѣмъ какъ желательнo давать и другія впечатлѣнія и свѣдѣнія, учительница обратилась къ кружку за софтомъ, какими занятіями полезнѣе всего было-бы заполнить этотъ часъ. Намѣчены были элементарныя свѣдѣнія по гигиенѣ, во послѣдъ перваго опыта, который выяснилъ, что эти ученицы, благодаря чтенію и жизненному опыту, болѣе или менѣе свѣдущи въ этомъ направленіи, занятія эти были отменены, такъ какъ учительница, не будучи специалисткой предмета, не рѣшилась глубже вникать въ эту область и предпочла отдавать этотъ часъ на чтеніе вслухъ новыхъ книгъ, какъ беллетристическаго, такъ и научнаго содержанія, съ цѣлью проверки рекомендуемыхъ для нашей бібліотеки во-

выхъ книгъ; такого рода занятія въ то-же время доставляютъ въ большинствѣ случаевъ великое удовольствіе ученицамъ, принимающимъ и непосредственное участіе въ чтеніи.

Что касается чтенія книгъ вообще, то во всѣхъ группахъ данного кружка интересъ къ нему самый живой, и ученицы толково пересказываютъ прочитанное и рекомендуютъ подругамъ то одну, то другую книгу. Въ группѣ, гдѣ идутъ бесѣды по литературѣ, читаютъ преимущественно нашихъ классиковъ. Въ первой группѣ подростокъ дается читать много книгъ научнаго содержанія, съ которыми учительница хорошо знакома, благодаря чему выдача такихъ книгъ сопровождается предварительной бесѣдой и указаніями; вслѣдствіе этого ученицы любятъ дѣловые книги и читаютъ ихъ въ такомъ количествѣ, какъ ни въ какой другой группѣ. Наряду выдаются также книги безэстетическаго содержанія и, когда возможно, біографіи соответствующихъ писателей. Въ виду предстоящаго юбилея Гоголя, учительница старается возможно полнѣе ознакомить своихъ ученицъ съ произведеніями его.

Поднимался затѣмъ въ кружкѣ вопросъ объ успѣшности нашего преподаванія, о правильности и разумной цѣлесообразности приѣмовъ занятій, о томъ, что, видя какую-либо ненормальность въ ходѣ преподаванія кого-нибудь изъ учительницъ, нельзя говорить себѣ, что «это ея дѣло» и оставлять группу въ жертву неопытности учительницы, которая, быть можетъ, всей душой хочетъ вести дѣло какъ можно лучше. Къ сожалѣнію, наблюдается иногда, правда, рѣдко, и обратный фактъ: учительницѣ въ кружковомъ собраніи, или въ школѣ, конечно, въ отсутствіи ученицъ, указываютъ ея промахи, и въ отвѣтъ на это въ голосѣ учительницы слышна обида, предположеніе въ преднамѣренно-отрицательномъ отношеніи къ ней и проч., что не можетъ не парализовать желанія поправить, выяснить.

Рѣдко на собраніяхъ нашихъ поднимался вопросъ о томъ, что для того, чтобы вполне сознательно относиться къ тому дѣлу, которому мы служимъ, для того, чтобы знать, насколько простирается влияние воскресной школы, каковы результаты, достигаемые ею, и проч., не достаточно видѣть ученицъ только въ стѣнахъ школы; интересно знать еще, какова ихъ духовная личность въ жизни вообще. Часто бываетъ трудно узнать это, не всегда и представляется къ тому возможность, и тѣмъ отрадиѣе бываетъ, когда самъ собою выплываетъ наружу какой-нибудь добрый шагъ кого-либо изъ нашихъ ученицъ. Въ кружкѣ у насъ выяснилось слѣдующее: какъ-то въ мѣстной газетѣ появилась коротенькая замѣтка о томъ, что въ какой-то глухой улицѣ одной изъ окраинъ города семилѣтняя дѣвочка, дочь проповицы-отца, погибаетъ отъ холода и голода. Одна изъ нашихъ учительницъ отправилась туда по указанному адресу, но дѣвочки уже не застала. «Какая-то барышня была вчера, — говорили сосѣди, — и забрала къ себѣ дѣвочку». Эта «барышня» оказалась ученицей нашей старшей группы Л — вой, — молодая, симпатичная дѣвушка, швея, въ школѣ она года 3—4. Благодаря своей хорошей репутациі и добрымъ отношеніямъ съ своими заказчиками, Л — вой удалось при ихъ содѣйствіи помѣстить отогрѣтую и облаченную дѣвочку въ пріютъ одного изъ городскихъ попечительствъ, гдѣ учить грамотѣ и разнымъ видамъ труда, причѣмъ оставаться тамъ она можетъ до 18-ти лѣтъ.

Х. Алчевская.